

ДЕЕПРИЧАСТИЯ КАК ОДИН ИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СВОЕОБРАЗИЯ СИНТЕЗА ГЕТЕРОГЕННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В ЯЗЫКЕ ПРОЗЫ

А. С. ПУШКИНА

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Випуск 21.

УДК 821.161.1 Пушкін 7.04

Устюгова Л. Дієприслівники як один із показників своєрідності синтезу гетерогенних елементів у мові прози О. С. Пушкіна; 14 стр.; кількість бібліографічних джерел – 17; мова російська.

Анотація. У статті дається синхронно-діахронічний опис структурних і функціональних різновидностей дієприслівників у прозі О. С. Пушкіна. Застосування статистичного та зіставного аналізу дозволили автору статті довести новаторський характер поєднання гетерогенних елементів у мові прозаїчних творів великого поета, котрий цілком слушно вважається засновником сучасної російської літературної мови.

Ключові слова: дієприслівник, двомовність, інтерференція, літературна мова, норма, суфікс.

Summary. In the article is given the synchronic-diachronic description of the structural types of verbal adverbs in prose A. Pushkin. Applications of statistical and comparable analysis allowed the author of the article to lead to innovative character of combination of heterogeneity elements in the language of prosaic works of great poet, which fully suitable is considered the founder of modern literary Russian.

Keywords: verbal adverb, bilingual, interference, literary language, norm, suffix.

Известно, что конец XX – начало XXI вв. ознаменовались сменой научной лингвистической парадигмы, выдвинувшей коммуникативное направление на первое место. Между тем, системно-структурную парадигму вряд ли можно считать исчерпанной до конца. Она продолжает сохранять свою актуальность как в лингвистике в целом, так и в лингвистике текста, для структурной организации которого не утратили своего значения фонетический, морфологический, лексический и синтаксический подуровни [2, с. 220-240]. В данной статье на примере структурных и функциональных особенностей деепричастий рассматривается своеобразие синтеза гетерогенных элементов, зафиксированных в прозе А. Пушкина. Поскольку суффиксы русских деепричастий имеют стилистические варианты, совпадающие, с одной стороны, с церковно-славянскими формантами, а с другой, – с суффиксами живой разговорной речи, эта грамматическая категория является весьма перспективной для сравнительного анализа. Актуальность предпринятого нами исследования предопределяется прежде всего недостаточной изученностью морфологических особенностей языка А. Пушкина. Как справедливо считал В. В. Виноградов, язык А. Пушкина прямо или косвенно отразил историю русского литературного языка начиная с XVII в. и до 30-х годов XIX в., при этом вся предшествующая культура художественного слова в поэзии и в прозе великого Мастера не только достигла своего высшего расцвета, но и претерпела решительное преобразование, определив во многих направлениях пути последующего развития литературного языка. Пушкин навсегда стёр границу между тремя классическими стилями XVIII в. и произвёл новый, оригинальный синтез гетерогенных элементов литературного языка, впервые приведя их в стилистически обоснованное равновесие, предоставляющее возможность для роста индивидуально-творческих стилей в пределах общелитературной

нормы [6, с. 250]. А.С. Орлов отмечал, что “Пушкин создал русскую прозу”. Идя от карамзинской реформы, он проявлял смелую независимость в комбинировании элементов языка [11, с. 57, 60].

Отвергая стилистическую реформу М. Ломоносова, А. Пушкин высоко оценивал его слог, заемлющий “главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным” [4, т. 1, с. 272].

В своём исследовании мы исходим из положения В.В. Виноградова о том, что реконструкция соотношения языковых элементов предполагает знание распространённости их во всей литературной и общей языковой культуре анализируемой эпохи [5, с. 95]. Зрелый А. Пушкин стоял у истоков периода грамматической стандартизации, отражающей общий процесс развития морфологического строя русского языка в направлении упрощения формальной системы и придания ей большей внутренней цельности [6, с. 372; 12, с. 185]. Указанные изменения затронули и деепричастия, являющиеся сравнительно молодой грамматической категорией, которая сложилась на базе кратких действительных причастий, закрепившихся в формах именительного падежа. А. Б. Шапиро отмечал, что изначально в группе деепричастий не было чётких признаков для противопоставления её «сильных» и «слабых» членов. М. Ломоносов в “Российской грамматике” не закрепил формы на -а/-я, -учи/-ючи, -вь, -вши ни за высоким, ни за низким стилем, хотя и подчёркивал, что использование генетически и семантико-стилистически разнородных элементов в одном контексте не всегда возможно в силу длительной традиции их употребления в разных сферах речевой деятельности [17, с. 63]. Учёный склонялся к компромиссному решению оставить дальнейшую судьбу указанных формантов “общему всех учителей – повседневному употреблению” [10, с. 471]. Это можно счи-

тать одной из причин того, что стандартизация форм новой грамматической категории происходила в течение длительного времени. Переходным периодом от старой к новой системе анализируемых словоформ считается вторая половина XVIII – начало XIX вв., когда деепричастия получают широкое распространение в книжной речи. Утрата дублетных форм и перераспределение функций между различными типами деепричастий, происходившие в течение всего XIX в., способствовали укреплению этих девербативов как самостоятельной морфолого-синтаксической категории [12, с. 179]. Современная система деепричастий складывается только к концу века, но процесс функционального сближения разных их типов продолжался ещё и в XX в. [7, с. 310; 15, с. 672-674].

Целью данной статьи является определение особенностей синтеза гетерогенных элементов в структуре деепричастий, зафиксированных в прозе А. Пушкина. По мнению А.С. Орлова, язык пушкинской прозы является результатом применения методов, выработанных в течение всей жизни автора, результатом тех строгих требований, которым он непрерывно подчинял своё творчество. Уже в первых образцах художественной прозы А. Пушкин не имел себе соперников [11, с. 60, 58].

В таблице 1 представлено количество деепричастий, а после косой линии – количество их словоупотреблений в прозе А. Пушкина. При составлении этой таблицы мы учитывали вид и класс мотивирующего глагола (по классификации А. Лескина), а также форманты деепричастий:

Таблица 1. Количество деепричастий в прозе А. Пушкина

Классы Форманты	1 класс	2 класс	3 класс	4 класс	5 класс	Всего по формантам:	В %
Несовершенный вид							
<i>-а/-я</i>	1 / 1	–	124 / 163	27 / 65	–	152 / 229	78 / 77%
<i>-а/-я (сь)</i> ²	–	–	27 / 48	8 / 9	–	35 / 57	18 / 19%
<i>-учи/-ючи</i>	2 / 2	–	3 / 3	–	1 / 4	6 / 9	3 / 3%
<i>-в-</i>	–	–	–	–	1 / 2	1 / 2	0,5 / 0,8%
Всего НСВ:	3 / 3	–	154 / 214	35 / 74	2 / 6	194 / 297	58 / 57%
Совершенный вид							
<i>-в</i>	13 / 21	7 / 11	33 / 45	27 / 38	3 / 4	83 / 119	60 / 54%
<i>-вши</i>	–	–	–	–	–	–	–
<i>-вишь</i>	2 / 2	5 / 10	5 / 6	2 / 2	–	14 / 20	10 / 9%
<i>-ши</i>	1 / 1	–	–	–	–	1 / 1	0,7 / 0,4%
<i>-а/-я</i>	–	–	–	19 / 43	–	19 / 43	14 / 19,5%
<i>-а/-я (сь)</i>	–	–	2 / 2	15 / 25	–	17 / 27	12 / 12%
∅	4 / 10	–	–	–	–	4 / 10	3 / 4,5%
Всего СВ:	20 / 34	12 / 21	40 / 53	63 / 108	3 / 4	138 / 220	42 / 43%
Общий итог	23 / 37	12 / 21	194 / 267	98 / 182	5 / 10	332 / 517	
В %:	7 / 7%	4 / 4%	58 / 52%	29 / 35%	1,5 / 2%		100 / 100%

1.1. Как видно из таблицы 1, в прозе А. Пушкина зафиксировано 332 деепричастия, словоупотребление которых составляет 517 примеров, т.е. средняя частотность равна 1,5. Преобладающими являются деепричастия, мотивированные глаголами несовершенного вида (НСВ), – 194 примера, или 58% от общего количества анализируемых словоформ. 138 деепричастий (42%) мотивируются глаголами совершенного вида (СВ), однако средняя частотность употребления этих словоформ несколько выше, чем у деепричастий НСВ (соответственно 1,6 и 1,5).

1.2. Среди деепричастий НСВ заметно преобладают образования от глаголов 3-го класса (*изнемогая, угадывая, читая, толкуя, падая, плутуя; жалуясь, облизываясь, переваливаясь, издеваясь; пляшучи, поджидаячи, жить припеваючи*)³, составляющие 79%. 18% словоформ мотивируются глаголами 4-го класса (*помян, видя, глядя, дорожа, сидя; обходясь, совестясь, стыдясь, винась*).

1.3. Деепричастий НСВ от глаголов 2 класса в прозе А. Пушкина не зафиксировано, так как этот класс состоит преимущественно из глаголов СВ [4, с. 163]. Единичные примеры соотносятся и с глаголами 1-го (*ведя, поючи, живучи*), а также 5-го (*будучи, быв*) классов.

1.4.1. В группе деепричастий НСВ основным является формант *-а/-я*, представленный в 78% производных от невозвратных глаголов и в 18% – от возвратных (примеры см. выше). Формы с суф. *-учи/-ючи* составляют всего 3% и ограничиваются 6-ю словами – *будучи* (4 примера), *поючи, живучи, пляшучи, поджидаячи, жить припеваючи* (по 1-му примеру). М. Ломоносов считал деепричастия на *-ючи* “пристойнее у точных российских глаголовъ, нежели у техъ, которые отъ славенскихъ происходят, и, напротивъ того, деепричастия на *-я* употребительнее у славенскихъ, нежели у российскихъ” [10, с. 499]. Н. Греч, А. Востоков, Ф. Буслаев и др. рассматривали подобные деепричастия как просторечные, что в известной степени способствовало ограничению их употребле-

ления в литературном языке. В итоге эти девербативы стали принадлежностью народного слога и фольклора, а также стилизованной речи и фразеологических оборотов [3, с. 131-132; 8, с. 357-359; 12, с. 175]. Большинство примеров с суф. *-учи/-ючи* зафиксировано в романе “Арап Петра Великого” в речи карлицы дуры Екимовны, причём в авторской речи представлены словоформы на *-а/-я*. Ср.: *...старая жєница... вошла **припевая** и **приплясывая**... — Каково поживаєшь? — Подобру-поздорову, кум: **поючи** да **пляшучи**, жєнишков **поджидаячи*** [13, с. 196-197]. И далее, обращаясь к Наташе: *“Дом у вас будет как полная чаша, заживёшь **припеваючи**...”* [13, с. 209]. В 4-х случаях А. Пушкин употребляет словоформу *будучи* в функции связки: *Петр, услыша хохот и сии крики, вышел из другой комнаты, **будучи** большой охотник лично присутствовать при таковых наказаниях* [13, с. 194]; ***Будучи** от природы не злопамятен, я искренно простил ему и нашу ссору, и рану* [13, с. 461] и др. В данном случае А. Пушкин следует рекомендациям М. Ломоносова русские аффиксы присоединять к русским основам, однако в целом структура деепричастий в пушкинской прозе не соответствует правилам “Российской грамматики” о разграничении суффиксов *-а/-я* и *-учи/-ючи* в зависимости от церковно-славянской или русской мотивирующей основы: “лучше сказать *толкаячи* нежели *толкая*, но напротив того, лучше употребить *дерзая*, нежели *дерзаячи*” [10, с. 499]. Ср. у Пушкина: *изнемогая, **истребляя**, производя, **предводительствуя*** (книжные) / *опорожнявая, **наигривая**, **выбирая**, **выплёвывая**, **покрывая**, **взраговывая**, **толкая**, **перевёртывая*** и многие другие (разговорные). Основную массу деепричастий в пушкинской прозе, тем не менее, составляют производные от нейтральных глаголов.

1.4.2. В прозе А. Пушкина зафиксировано 2 случая употребления деепричастия НСВ *быв* с уже нетипичным для этого периода формантом *-в*: ***Быв** приятель покойному родителю Ивана Петровича, я почитал своим долгом предлагать и сыну свои советы* [13, с. 225]; *Я отвечал, что **быв** однажды уже им **помилван**, я надеялся не только на его пощаду, но даже и на помощь* [13, с. 506]. Как и словоформа *будучи*, деепричастие *быв* употреблено в функции связки.

2.1. Форманты деепричастий СВ отличаются большим разнообразием, чем суффиксы словоформ НСВ. Доминирующим в прозе А. Пушкина является формант *-в*, зафиксированный у 83 деепричастий (60% от общего числа словоформ СВ). Деепричастия с этим суффиксом мотивируются глаголами всех классов, но наибольшая активность, как и в группе девербатов НСВ, присуща глаголам 3-го класса, от которых образовано 33 словоформы (40%): *поцеловав, узнав, отыскав, потеряв, переписав, приказав, подскакав, заплакав* и др. Близки по продуктивности и производные от глаголов 4-го класса, составляющие 32% (27 примеров: *посмотрев, понизив, увидев, услышав, распялив, провозгласив*). Деепричастия, мотивированные глаголами 1-го класса, в целом в

прозе А. Пушкина представлены 23-мя примерами, из них 13 словоформ (57%) имеют суффикс *-в* (*приехав, взяв, выпив, заперев, подозвав, сняв, приподняв, распоров* и др.), причём словоформы с формантом *-в* образуются только от тех глаголов 1-го класса, основы которых в результате ряда фонетических изменений стали оканчиваться на гласный. На производные от глаголов 2-го класса приходится 8% (*отвыкнув, прозябнув, взглянув, прильнув, стряхнув, вспыхнув*). 4% составляют однокоренные образования от глаголов 5-го класса (*предав, раздав, дав*).

Деепричастий с суф. *-в*, мотивированных возвратными глаголами, типа *предався, насмеялся, учинився*, которые ещё встречаются в произведениях М. Ломоносова и А. Сумарокова, в прозе А. Пушкина не зафиксировано.

2.2.1. Характерной особенностью пушкинской прозы можно считать отсутствие деепричастий с формантом *-вши*, мотивированных невозвратными глаголами. Словоформы на *-вши* не употреблял и Н. Карамзин. М. Ломоносов указывал, что деепричастия на “*-въ* кончащиеся лучше, нежели на *-вши*, однако и не безъ изытия”, хотя, описывая их предикативные связи, учёный подчёркивал, что “*въ* русскомъ языке деепричастия на *-вши* встречаются в просторечии и диалектахъ только в роли предиката: *Мы сегодня не евши, не спавши*” [10, с. 517]. Уже в текстах XVIII в. словоформы на *-вши* квалифицируются как признак поэтических вольностей [12, с. 177]. И тем не менее, в поэме Н. Гоголя “Мёртвые души” деепричастия СВ с суффиксом *-вши* составляют 42% (127 словоформ), в то время как девербатов с формантом *-в* зафиксировано 26% (79 примеров) [16]. Формы на *-вши* преобладают не только у Н. Гоголя, но и у раннего А. Герцена, а во второй половине века – у М. Салтыкова-Щедрина [12, с. 182]. Между тем, Н. Греч и А. Востоков рассматривали этот суффикс преимущественно как просторечный. Г. Павский вообще считал, что формы на *-вши* неприятны для слуха, и рекомендовал избегать их (цит. по: [6, с. 374]). Д. Кудрявский, наоборот, более жизнеспособными в литературном языке считал формы на *-вши*, однако его предположение не оправдалось: словоформы с суф. *-вши* были вытеснены деепричастиями с формантом *-в*. Борьба между вариантами типа *увидев* и *увидевши* продолжалась долго. В конце концов в литературном языке возобладала более книжная форма с суф. *-в* [3, с. 132]. Следует отметить, что в украинском языке развитие этой группы деепричастий шло по другому пути – словоформы с суффиксом *-в* полностью выходят из употребления [1, с. 273], чем, на наш взгляд, и объясняется преобладание в поэме Н. Гоголя девербатов с суф. *-вши*.

2.2.2. В пушкинской прозе представлено 14 деепричастий (10%) с формантом *-вши*, которые мотивируются возвратными глаголами: *растянувшись, проснувшись, очнувшись, оглянувшись, оставившись* (2 класс – 36%); *отказавшись, обрадовавшись, запыхавшись, не дождавшись, нагулявшись* (3 класс – 36%); *взявшись, собравшись* (1

класс – 14%); *обратившись, воротившись* (4 класс – 14%). Производных от глаголов 5-го класса не зафиксировано.

2.3. Глаголы 1-го класса с основой на согласный в русском языке в целом образуют немногочисленную группу, что предопределяет небольшое количество деепричастий с формантом *-ши*. В прозе А. Пушкина имеется только одна такая словоформа в функции связки – *не могли*: *Он возвратился к старому князю, который не могли взойти на лестницу, оставался внизу* [13, с. 203].

2.4. В пушкинской прозе зафиксировано 5 деепричастий СВ с нулевым суффиксом: *вошел* 2⁴, *вышел*, *подошел* 3, *пришел* 2 и *нашел* 2. Бессуффиксные формы от глагольной основы *-шел* были широко распространены во второй половине XVIII в. и, несмотря на изолированность этих образований среди других производных от основ на согласный, ещё довольно часто употреблялись в первой половине XIX века [12, с. 177, 183].

2.5. Суффикс *-а/-я* имеют 19 деепричастий СВ (14%), мотивированных невозвратными глаголами 4-го класса, и 17 производных (12%) от возвратных глаголов преимущественно 4-го класса: *заметя, напеля, оставя, увидя, услыша, наскуча, вспомня, повторя, выхватя, ударя; облокотясь, обратясь, поворотясь, перекрестясь, не простясь, спустясь, погружясь* (4-й класс); и 2 глагола 3-го класса – *рассеясь, обращясь*. В отдельных случаях наблюдается лексическая избирательность: словоформа *увидя* имеет частотность 12, *услыша* — 3, *вспомня* — 2. Следует отметить, что деепричастия НСВ и СВ с формантом *-а/-я* различаются классами мотивирующих глаголов. В подгруппе словоформ НСВ имеется 154 производных от глаголов 3-го класса и 35 – от глаголов 4-го класса. Деепричастия СВ с указанным формантом образуются преимущественно от глаголов 4-го класса.

Деепричастия СВ с суф. *-а/-я*, мотивированные невозвратными глаголами, имели широкое распространение в XVIII в. Характерно, что В. Тредиаковский и А. Сумароков относили такие словоформы к просторечным явлениям, тем не менее, они были характерны ещё для начала XIX в. и sporadически продолжали использоваться до середины XIX в. Со временем в русском литературном языке деепричастия СВ с суф. *-а/-я* замещаются образованиями на *-в* (и даже на *-вши*), что приводит к стилистической переоценке указанных формантов. Н. Карамзин деепричастиям с формантом *-а/-я* явно предпочитал словоформы на *-в*. [12, с. 178, 181]. Выйдя из употребления, деепричастия СВ с суф. *-а/-я* уступили место формам на *-в*, которые, постепенно теряя просторечную окраску, становятся литературной нормой [6, с. 372-373].

Проанализированный материал показал, что в группе рассмотренных деепричастий несовершенного и совершенного вида в пушкинской прозе ещё сохраняется некоторая избыточность суффиксов с одинаковым значением. Кроме того, наблюдается определённая взаимосвязь между

классом мотивирующего глагола и формантом деепричастия, которая предопределяется не только степенью продуктивности класса глагола (по формобразующей активности глаголы 3-го и 4-го классов значительно превосходят глаголы остальных 3-х классов), но и определёнными нормативными и частично стилистическими установками автора (ср. деепричастия СВ с формантами *-в* и *-а/-я*, а также словоформы НСВ с суффиксами *-а/-я* и *-учи/-ючи*). Следует отметить, что в прозе А. Пушкина очень мало вариантных образований типа *заметив / заметя, увидев / увидя, услышав / услыша; обратившись / обратясь*. В поэме Н. Гоголя “Мёртвые души” их значительно больше и по количеству, и по типам объединения формантов (4 группы, а не 2, как у А. Пушкина) [16]. Встречаются единичные примеры суффиксальных вариантов между однокоренными словами: *воротившись/воротясь, отворотясь, поворотясь*.

Таким образом, структура деепричастий, зафиксированных в прозе А. Пушкина, частично отражает неустойчивость нормы, характерную для русского литературного языка первой половины XIX в. В исследованиях советского периода обычно акцентируется внимание на том, что А. Пушкин сближал литературный язык с живой устно-народной речью, хотя и несколько ограничивал литературные права русского просторечия и простонародного языка [6, с. 379], подчёркивая, что “писать единственно языком разговорным – значит не знать языка” [14, т. 1, с. 183]. Действительно, у А. Пушкина только 450 слов совпадают со словами, имеющими в Словарях Академии Российской (САР-1 и 2) пометы *простонародное, просторечное* [9, с. 157], что в словарном запасе поэта составляет менее 2%. Аналогичная картина наблюдается и в структуре проанализированных нами деепричастий: словоформы с разговорными суффиксами или вообще не употребляются (формант *-вши*), или представлены небольшим количеством примеров (суффиксы *-в* и *-учи/-ючи* в группе деепричастий НСВ; девербативы СВ с формантом *-а/-я*, мотивированные невозвратными глаголами). Структура деепричастий, имеющих в прозе А. Пушкина, в основных своих чертах соответствует направлению последующего развития этой грамматической категории в русском литературном языке.

Несомненный интерес представляют и функциональные особенности деепричастий. Как указывалось выше, в пушкинской прозе преобладают деепричастия НСВ, т.е. та разновидность, которая теснее связана с глаголом, чем с наречием [7, с. 310]. И это не случайно: борясь с засилием категории качества и эмоциональной оценки, характерным для сторонников Н. Карамзина, центром фразы А. Пушкин делает глагол. Конструктивная роль глагола особенно явственно выступает в прозе. По данным В.В. Виноградова, в “Пиковой даме” глаголы составляют 40%, а эпитеты – только 16% [6, с. 272-273]. Анализируя язык “Гаврилады”, Б.В. Томашевский подчёркивал, что здесь “как буд-

то и на эпитетах преобладает глагольная стихия” (цит. по: [6, 273]). Быстроте повествовательного движения способствовали и деепричастия, глагольные свойства которых на первый план выдвигал ещё М. Ломоносов. Ввиду заданного объёма статьи мы обратим внимание только на некоторые функциональные особенности деепричастий, учитывая при этом следующее положение А.С. Орлова: “Даже не проверяя языка “Капитанской дочки” по всем его категориям, можно сказать, что языковые особенности этой повести <...> не годятся ни для какого другого произведения” [11, с. 58]. Поскольку А.С. Орлов имел в виду не только лексику и фразеологию, но и синтаксис, мы считаем корректным сопоставить примеры употребления деепричастий в

романе “Арап Петра Великого” и в повести “Капитанская дочка”. Указанные произведения существенно различаются по объёму текста (повесть в 3 раза больше, чем неоконченный роман). С учётом этого мы провели количественный анализ структурных типов деепричастий, и оказалось, что принципиальных различий здесь не наблюдается. Например, деепричастий СВ с суф. -а/-я в повести больше, чем в романе, в 3,8 раза (31 и 8 примеров соответственно), т.е. различие находится почти в пределах статистической погрешности. В таблице 2 приведены примеры, иллюстрирующие основные функции и особенности употребления деепричастий в обоих текстах:

Таблица 2. Сравнение функций деепричастий

ФУНКЦИИ ДЕЕПРИЧАСТИЙ	
Арап Петра Великого	Капитанская дочка
1. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА	
1.1. ВРЕМЕНИ	
<i>...проходя мимо него, остановился [185]; встала, снова поцеловав Наталью, отправилась вниз [206]; Посмотрев на часы, увидел он, что время ехать [192]; Ибрагим, оставшись наедине, едва мог опомниться [189];</i>	<i>– Да что ехать? – отвечал он, слезая с облучка [440]; встав из-за стола, я чуть держался на ногах [436]; Проснувшись поутру довольно поздно, я увидел, что буря утихла [444];</i>
1.2. ПРИЧИНЫ	
<i>...наскуча сим занятием, он подошёл к зеркалу [206]; ...почувствовав сопротивление, он сильно толкнул её, дверь отворилась... [202];</i>	<i>...я испугался, увидя его завлечённого в военные рассуждения [498]; Матушка твоя, узнав о твоём поединке..., с горести занемогла [462];</i>
1.3. ЦЕЛИ	
<i>Тесть его, дочь и сестра... остались одни..., ожидая выхода государева [191]; Он... собрался ехать в адмиралтейство, надеясь там застать еще Корсакова [191];</i>	<i>...согласились кинуться матушке в ноги, винясь в преступной слабости [432]; решил... писать к батюшке, прося родительского благословения [461];</i>
1.4. ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ	
<i>...смотрел, не смея верить своим глазам [190]; ...вязали свой чулок, между собою смеясь и разговаривая как будто дома [193]; вошед в светлицу, она села, задыхаясь [207]</i>	<i>Савельич от меня не отставал, не прерывая жалобных своих молений [500]; Ты уже оскорбил казаков, посадив дворянина им в начальники [500];</i>
2. ОДНОРОДНЫЕ И НЕОДНОРОДНЫЕ ДЕЕПРИЧАСТИЯ	
<i>...прочие гости, наблюдая старшинство рода и тем поминая счастливые времена местничества, сели – мужчины по одной стороне, женщины по другой [196]; Гости остались в столовой, шёпотом толкуя об этом... посещениях, и, опасаясь быть нескромными, вскоре разъехались..., не поблагодарив хозяина [200]; ...ты провинился, во-первых, подошед к сей молодой персоне... а во-вторых, взяв на себя самому ее выдать... [194];</i>	<i>Иван Игнатьевич, заметив во мне знаки неудовольствия и вспомянув своё обещание, смутился [455]; ...выехал я из Симбирска, не простиаясь с моим учителем и не думая уже с ним когда-нибудь встретиться [438]; Пугачёв сидел, облокотясь на стол и подпирая чёрную бороду своим широким кулаком [484]; ...помолчав несколько минут, она глубоко вздохнула и сказала, качая головою [469];</i>
3. ДЕЕПРИЧАСТИЯ В СОЧЕТАНИИ С НАРЕЧИЯМИ	
<i>...любовники начали наслаждаться большим спокойствием, молча помня минувшую бурю и стараясь не думать о будущем [184]; сидели, важно покуривая свои глиняные трубки и опорожняя глиняные кружки [193];</i>	<i>– Что у меня за пазухой-то побрякивает? – возразил урядник, нимало не смутясь [491]; Казак, приведший меня, отправился про меня доложить и, тотчас же воротившись, ввёл меня в... комнату... [483];</i>
4. СОЕДИНЕНИЕ ПРИЧАСТНОГО И ДЕЕПРИЧАСТНОГО ОБОРОТОВ	
<i>...увлеченная силою страсти, ею же внушенной, изнемогая под её влиянием, она отдалась восхищённому Ибрагиму [182];</i>	<i>Облечённый властью от самозванца, предводительствуя в крепости..., он мог решиться на всё [490];</i>

5. УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ	
<i>Дама... потупя голубые глаза, подала ему руку</i> [194]; <i>Бедный щёголь, не переводя духу, осушил весь кубок</i> [194];	<i>Лошади стояли, понуря голову и изредка вздрагивая</i> [440]; <i>...выслушал меня, вытараща на меня свой единственный глаз</i> [454];
6. ОПОРНОЕ СЛОВО В ПРИСЛОВНОМ ПРИДАТОЧНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ	
<i>Услышав, что кто-то вошёл, он поднял голову</i> [187]; <i>...отослал её, объявив, что должен говорить её тётке и деду</i> [202];	<i>...наконец, приметя, что Швабрин ослабевает, я... загнал его почти в самую реку</i> [459]; <i>Савельич чуть не завыл, услышав, как нитки затрещали</i> [445];

Как показывает таблица 2, принципиальных различий в использовании деепричастий между романом «Арап Петра Великого» и повестью «Капитанская дочка» нами не выявлено, несмотря на то что в романе ещё ощущается связь с карамзинской школой, а структура фразы в повести вызывает ассоциации с летописью.

Таким образом, структурные и функциональные особенности проанализированных деепричастий свидетельствуют о том, что, взяв всё наиболее жизнеспособное из теории и практики

прежде всего М. Ломоносова и Н. Карамзина, А. Пушкин создал новые принципы соединения гетерогенных элементов, позволившие сформировать общелитературную норму не только на данном участке морфологической системы, но в итоге – и для всего русского языка. Для верификации выводов, полученных на материале прозы А. Пушкина, мы планируем исследовать произведения А. Герцена и М. Салтыкова-Щедрина, в языке которых деепричастия с суф. *-вши* употреблялись чаще, чем формы на *-в*.

¹ В таблице 1 процентные соотношения даются по двум параметрам: внутри групп деепричастий НСВ и СВ, где каждая группа принимается за 100%, а в общем итоге – от всех деепричастий, зафиксированных в прозе А. Пушкина.

² Разграничение производных от невозвратных и возвратных глаголов предопределено прежде всего тем, что деепричастия, мотивированные возвратными глаголами, в меньшей степени подвержены адвербиализации [7, с. 309]. Кроме того девербативы от возвратных глаголами СВ с суффиксами *-а/-я* и *-вши* в современном русском языке являются нормативными.

³ Так как мы анализируем несколько произведений А. Пушкина, примеры деепричастий располагаются не в алфавитном порядке, а по возможности в той последовательности, в какой они представлены в текстах.

⁴ Цифры после деепричастий обозначают частотность употребления этих словоформ.

Литература

- Бевзенко С.П., Грищенко А.П., Лукинова Т.Б. та ін. Історія української мови. Морфологія / Самойленко Степан Филиппович, Грищенко Арнольд Афанасьевич, Лукинова Татьяна Борисовна, Русановский Виталий Макарович, Нимчук Василий Васильевич, Бевзенко Степан Филиппович. – К.: Наукова думка, 1978. – 540 с.
- Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учебное пособие. 3-е изд., испр. и доп. / Н.С. Болотнова – М.: Флинта : Наука, 2007. – 520 с.
- Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. 2-е изд., испр. – М.: Учпедгиз, 1954. – 468 с.
- Булаховский Л.А. Исторический комментарий к литературному русскому языку. – Харьков; Киев: Радянська школа, 1937. – 323 с.
- Виноградов В.В. О художественной прозе // Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы / Виктор Владимирович Виноградов. – М.: Наука, 1980. – С. 56-97.
- Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков. 3-е изд. / Виктор Владимирович Виноградов. – М.: Высшая школа, 1982. – 528 с.
- Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. / Виктор Владимирович Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
- Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / Под ред. Р.И. Аванесова, В.В. Иванова. – М.: Наука, 1982. – 437 с.
- Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века / Отв. ред. Ф.П. Филин. – М.: Наука, 1981. – 360 с.
- Ломоносов М.В. Российская грамматика // Собрание сочинений: Труды по филологии. – М.; Л., 1952. – Т. 7, с. 290–582.
- Орлов А.С. Язык русских писателей / Отв. ред. В.П. Адрианова-Перетц. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 192 с.
- Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века / Под ред. В.В. Виноградова и Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1964. – 320 с.

13. Пушкин А.С. Художественная проза // Пушкин А.С. Сочинения: в 3-х тт. – М.: Гослитиздат, 1955. – Т. 3, с. 179-538.
14. Пушкин А.С. Об искусстве: в 2-х тт. / Сост., предисл. и коммент. А.А. Вишневского. – М.: Искусство, 1990. – Т. 1, 363 с.
15. Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – Т. 1, 784 с.
16. Устюгова Л.М. Структура деепричастий как один из признаков национально-языковой специфики поэмы Н. Гоголя “Мёртвые души” // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды. – 2009. – № 4 (41). – Харьков. – С. 7–14.
17. Шимко Е.В. Деепричастия в русском литературном языке XVIII в. (формальный аспект) // Русский язык: Исторические судьбы и современность. Международный конгресс – М.: Изд-во Московского ун-та, 2001. – с. 63-64

Устюгова Людмила Михайлівна – доктор філол. наук Російської Федерації, професор кафедри російської мови УжНУ.